А. В. БАЙМАНН

РАЗБОР НА АТОМЫ

Александр Байманн

Разбор на атомы

«Автор»
2026

Байманн А.

Разбор на атомы / А. Байманн — «Автор», 2026

Он был уверен, что понял эту жизнь. Знал, как устроены люди. Чего они хотят, чего боятся и за сколько продаются. Пока однажды к нему не подошёл тот, кто знает о людях больше.Циник предложил дьяволу пари. Ставка — он сам.

© Байманн А., 2026
© Автор, 2026

Александр Байманн
Разбор на атомы

Разбор на атомы

А. В. Байманн

Посвящается моему сыну

Главное — знать, куда ты идёшь.

Остальное — мелочи.

Разбери цель на атомы — и иди.

Глава первая.

По рукам

В тот вечер я умер.

Правда, узнал я об этом не сразу.

Была зима. Шёл снег — крупный, медленный, такой, что в детстве хочется задрать голову и ловить его губами. Солнце клонилось к закату. Облаков почти не было, и от этого зимний пейзаж казался особенно красивым. Мне было тепло: я оделся по погоде. Я вообще всегда всё делал правильно.

Мне было тридцать пять, и, кажется, я уже понял эту жизнь.

Мимо лавочки шли люди. Я смотрел на них по привычке. Так, как смотрел всегда.

Вот женщина с пакетами. Идёт быстро, губы поджаты. Дома её ждёт тот, кому она не хочет готовить ужин. Но приготовит.

Вот парень лет двадцати говорит по телефону и смеётся слишком громко. Чтобы слышали. Чтобы все видели: ему есть с кем смеяться.

Вот мужчина ведёт за руку ребёнка. Мальчик что-то рассказывает, захлёбываясь словами, а отец кивает и смотрит в телефон.

Я отвернулся.

Три человека — три открытые книги. Мне хватало пары секунд, чтобы прочитать любого. Это не дар. Это ремесло. Я учился ему всю жизнь.

С детства я был ни среди своих, ни среди чужих. Сверстникам со мной было скучно. Мне с ними — тоже. Я пытался войти в их круг — меня не пускали. Взрослые смотрели на меня как на ребёнка, хотя я рассуждал не хуже них. Но кто станет слушать умного ребёнка?

Так я и рос. Между двух огней.

И начал наблюдать. Как люди говорят. Чего хотят. Над чем смеются. На что обижаются. Я разбирал их по винтикам, как другие мальчишки разбирают будильник, чтобы понять, что там тикает.

Сначала — чтобы понять. Потом — чтобы приспособиться. А потом — чтобы управлять.

Я поднимался. Падал. Снова поднимался. Меня предавали, и я предавал. Не со зла — по расчёту. Я зарабатывал деньги, терял их и зарабатывал снова.

Я знал, как устроены люди. Чего они хотят, чего боятся и за сколько продаются.

Удивить меня было нечем.

Так я думал.

Всё, чего я когда-то хотел, у меня было. Деньги. Дом. Машина. Уважение людей, которые меня побаивались.

Только в этом и был главный обман. Ты взбираешься на вершину, а она оказывается ступенькой. Взбираешься на следующую — снова ступенька. Куда ведёт эта лестница, никто не говорит. А я давно перестал спрашивать.

Внутри было пусто. Пусто и тихо, как в доме, из которого все уехали.

Смешно, но хотел я совсем простого. Не денег. Не власти. Чтобы рядом кто-то был. Не говорить. Не объяснять. Просто живой человек в соседнем кресле.

Я хотел счастья. Самого обычного, как у всех. Но мои схемы годились для чего угодно, только не для этого. Счастье не разберёшь по винтикам. Я пробовал.

Поэтому в тот вечер я сидел на лавочке один.

Рядом стояла бутылка водки. Я выпил уже немало. Снег ложился на плечи и больше не таял. Мысли путались, веки становились всё тяжелее. Хорошо. Спокойно. Казалось, я просто устал.

Немного подремать — вот что мне было нужно.

Я закрыл глаза.

Когда открыл их снова, передо мной кто-то стоял.

Высокий. Худой, почти сухой, но держался так прямо, будто его выточили из одного куска.

Немолодой. Но и не старик. Из тех мужчин, про которых не скажешь, шестьдесят им или восемьдесят.

Белые волосы зачёсаны назад, аккуратная борода. Весь он был ухоженный, до последней мелочи.

Лицо бледное. Не болезненно бледное, а белое, как фарфор. Высокий лоб, прорезанный глубокими морщинами. Резкие скулы, впалые щёки. Прямой длинный нос. Тонкие губы, сжатые в линию. Между бровями — две вертикальные складки, как у человека, который слишком долго на всё смотрит и слишком многое видел.

Длинное чёрное пальто, почти до щиколоток, расстёгнутое, с широкими острыми лацканами. Под ним чёрный костюм-тройка, чёрная рубашка, чёрный галстук. Чёрные ботинки на шнурках, начищенные так, что на них не держался снег.

Руки он держал в карманах пальто.

А потом поднял глаза.

Золотые.

Не жёлтые, не карие — золотые, как старая монета на дне колодца. Они светились на этом белом лице так, будто кто-то зажёг их изнутри. Смотрели спокойно и сурово. Так смотрят на того, о ком уже всё знают.

Он вынул руку из кармана и протянул мне.

Не так, как протягивают для рукопожатия. Ладонью вверх, чуть согнув пальцы. Так подают руку упавшему. Или зовут за собой.

Рука была немолодая: длинные пальцы, сухая кожа, тонкие линии морщин на ладони. Но ни дрожи, ни слабости. Она застыла в воздухе передо мной неподвижно, будто могла ждать так целую вечность.

Мир вокруг будто отодвинулся. Снег, деревья, закат — всё отступило куда-то вдаль и потеряло очертания. Чётко я видел только две вещи: эту раскрытую ладонь и лицо за ней.

Брови сведены. Губы сжаты. И золотые глаза, которые смотрели не на меня, а сквозь меня. Прямо внутрь.

Он не улыбался. Он просто ждал.

— Ну что, Джерар. Я дождался тебя.

Я не взял его руку. Но и оттолкнуть не посмел. Просто смотрел на неё и не понимал.

— Кто… кто ты? — голос прозвучал тише, чем я хотел.

Я ведь выпил почти целую бутылку. Где же хмель? Голова была ясной. Ни тяжести, ни холода, ни дурноты. Вообще ничего. Только пустота.

И этого человека я точно никогда раньше не видел.

Он смотрел на меня с каким-то странным спокойствием.

— Ты меня не знаешь. А вот я знаю тебя. Всего тебя. Твою жизнь, твои мысли, твои поступки. Всё, что ты делал и о чём когда-либо думал.

— Что… что тебе от меня нужно?

— Твоё время здесь закончилось, — ответил он. — Теперь ты пойдёшь со мной.

Я хотел подняться, но не смог. Не потому что не было сил. Просто не решился. Под этим взглядом любое движение казалось лишним.

— Кто ты такой? — спросил я почти шёпотом.

Незнакомец слегка наклонил голову.

— Неужели за всю свою жизнь ты ни разу обо мне не слышал? У меня много имён. Дьявол. Люцифер. Самаэль. Можешь называть меня как угодно.

Я смотрел на него и молчал. Внутри было пусто.

Дьявол. Люцифер. Самаэль.

Язык вдруг стал тяжёлым и непослушным. Мне почему-то захотелось встать. Выпрямиться. Как в школе, когда в класс входит директор.

— Можно… — голос сорвался, и я начал заново. — Можно я буду называть тебя Самуэлем? Если ты не против.

Он чуть приподнял бровь.

— Самуэлем? — переспросил он. — Любопытно. Обычно меня называют иначе.

Я сглотнул.

— У тебя и так много имён… Я подумал, может, одно будет моим.

Он смотрел на меня долго. Так долго, что я успел пожалеть о каждом своём слове.

Потом уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Как пожелаешь. Мне не принципиально.

— Я… я не понимаю, — выдавил я. — Что происходит?

— Ты уснул, — спокойно ответил он. — А когда открыл глаза, твоя прежняя жизнь уже закончилась. Теперь ты в моей власти.

И усмехнулся. Едва заметно, одним уголком рта. Так смотрят на ребёнка, который вот-вот поймёт, что Деда Мороза не существует.

И тут я, кажется, начал понимать.

Моя жизнь окончена.

Я молчал, привыкая к этой мысли. Странно, но паники не было. Будто где-то внутри я давно знал, что этот день придёт, и просто ждал, когда в дверь постучат.

Я поднялся.

Теперь мы стояли друг напротив друга. Глаза в глаза.

— Спасибо, — сказал я.

Он чуть прищурился.

— За что?

— За то, что пришёл сам. Ты мог прислать кого угодно. Болезнь. Аварию. Сердце, которое однажды утром просто не проснётся. А пришёл ты. Лично.

Я помолчал.

— Это честь.

Теперь удивился он.

Золотые глаза задержались на мне чуть дольше, чем раньше. Будто он впервые разглядел во мне что-то, чего не ожидал увидеть.

— Знаешь, — медленно произнёс он, — меня редко благодарят. Обычно боятся. Кричат, бегут, умоляют. Некоторые даже бросаются с кулаками. А ты говоришь мне «спасибо».

Я ответил не сразу.

— А чего ещё можно было ожидать? Рано или поздно за каждым приходят. Я всегда это понимал. И если уж за мной пришёл не кто-нибудь, а ты сам… Разве это не повод поздороваться? По-человечески.

И я первым протянул ему руку.

Самуэль посмотрел на мою ладонь. Потом на меня. И снова усмехнулся.

Как же меня начинала раздражать эта его усмешка!

Но руку он пожал.

К собственному удивлению, я не почувствовал в его руке ничего плохого. Наоборот, ладонь оказалась тёплой, даже горячей. Но это было приятное тепло, которое совершенно не вызывало отторжения.

Он отпустил мою руку.

— Ну что, тогда пошли.

Мы сделали несколько шагов. Я шёл по той же дорожке, по которой шёл раньше. Но с каждым шагом что-то менялось. Снег под ногами становился тише. Деревья — дальше. Закат бледнел, будто кто-то медленно убавлял свет. Мы никуда не поднимались и никуда не спускались. Просто один мир тихо уступал место другому.

Через какое-то время мне стало тепло. Не жарко, не душно — просто тепло. И почему-то тоскливо. Я не мог объяснить причину этой тоски, но она постепенно заполняла меня изнутри.

А потом я увидел ад.

Точнее, то, чем он оказался.

Он совершенно не походил на то, как его обычно представляют в религии. Никаких котлов, бесконечного огня и людей, горящих в агонии. Передо мной раскинулся огромный лабиринт.

Люди метались по его коридорам. Туда. Обратно. Снова туда. Кто-то бежал, кто-то шёл быстрым шагом, кто-то вдруг замирал посреди прохода, а потом срывался с места в другую сторону. Двое столкнулись на повороте, разошлись — и каждый тут же развернулся и побежал туда, откуда пришёл другой.

Искали ли они что-то? Или просто двигались, потому что не умели стоять на месте? Понять было невозможно. Ни цели, ни направления, ни порядка. Только движение. Бесконечное и бессмысленное, как пылинки, что кружат в луче света и никогда никуда не прилетают.

Кто-то кричал. Кто-то бормотал себе под нос. Кто-то молчал — и от этого становилось ещё страшнее.

И над всем этим висела безысходность. Не истеричная, не громкая. Тихая. Такая, к которой здесь давно привыкли.

Я поднял голову.

Над лабиринтом, в тумане, кто-то летал.

Тёмные силуэты. Большие. Они медленно скользили в серой пелене, то проступая, то снова растворяясь. Я пытался их разглядеть — и не мог. Ни лиц, ни рук, ни очертаний тела. Только тьма, чуть плотнее тумана вокруг. Иногда за ними тянулось что-то широкое, похожее на крылья. А может, это просто туман так ложился.

И глаза.

Золотые. Как у Самуэля.

Десятки золотых точек плыли в тумане над лабиринтом. Внимательных, неподвижных, немигающих.

Они не били людей. Не жгли. Не гнали. Никому не причиняли боли. Они просто смотрели. Сверху. Всегда.

И почему-то от этого было страшнее, чем от любых котлов.

Я повернулся к Самуэлю.

— Это и есть ад?

В его глазах мелькнула насмешка.

— Да. А ты, наверное, ожидал котлов? Бесконечного огня? Людей, которые горят в агонии?

Я промолчал.

Котлы. Огонь. Агония. Почти слово в слово.

Совпадение, сказал я себе. Все так представляют ад.

— И бесов, которые мучают грешников, — добавил он, не сводя с меня насмешливых глаз.

Мне стало не по себе. О бесах я ведь тоже подумал. Секунду назад.

Я снова посмотрел на лабиринт. Люди продолжали метаться по его коридорам, и от этого зрелища мне становилось ещё тоскливее.

— Почему всё именно так? — спросил я. — Можешь рассказать мне об этом месте подробнее?

Самуэль улыбнулся. Одними губами. От такой улыбки хочется отвести глаза.

— Пойдём. Я расскажу тебе немного истины. Той, которую многие не видят. А некоторые предпочитают не замечать.

Я посмотрел на него.

— Расскажи, — сказал я.

И почувствовал, как внутри привычно щёлкнуло.

Так было всегда. Стоило мне столкнуться с чем-то новым, голова начинала работать сама. Разобрать. Разложить по полочкам. Найти, что с чем связано и что из чего следует. Понять, как это устроено. А потом — как это можно использовать.

Даже здесь. Даже мёртвым. К счастью это или к сожалению, но мой мозг работал именно так.

Людей я разбирал точно так же. Каждого можно было понять. А значит — использовать.

Почти каждого.

Был один человек, от которого мне никогда ничего не было нужно. Его я любил просто так. Без расчёта и без схем.

Мой сын.

Помню, как он засыпал у меня на руках, не дослушав сказку. Как верил каждому моему слову. Как бежал ко мне через весь двор, стоило мне выйти из машины.

Шесть лет назад он ушёл вместе с матерью. Сначала я видел его по выходным. Потом реже. Мне всё казалось, что время ещё будет.

Внутри у меня теперь была одна пустота. Но если что-то во мне ещё могло пожалеть, то только об этом: я провёл с ним слишком мало времени.

Самуэль повернулся ко мне. В глазах у него снова стояла насмешка, будто он подслушал, о ком я сейчас думал.

— Можем выпить, если хочешь, — сказал он. — Немного поговорим, а потом решим, куда тебя определить.

Он едва заметно повёл рукой.

И рядом с нами появились стол и два стула. Просто возникли, будто стояли здесь всегда. Невысоко над лабиринтом, на самом его краю, откуда были видны бесконечные коридоры. На столе — бутылка и два стакана.

Выпить, подумал я. Зачем?

Я ведь уже пил. Там, на лавочке, почти целую бутылку. И ничего: ни тепла, ни тумана в голове. Мёртвым хмель не положен.

Какой смысл пить, если от этого ничего не будет? И всё-таки я сел.

Куда меня определить? — подумал я.

В голове тут же возникла знакомая картина из «Божественной комедии» Данте. Девять кругов ада. Неужели всё устроено именно так? И если да, то, может быть, лабиринт, который я только что видел, — это ещё самое безобидное место?

Самуэль ответил раньше, чем я успел открыть рот.

— Нет-нет. Никаких девяти кругов ада нет. По крайней мере, мой ад устроен гораздо проще.

Он сделал небольшую паузу, словно обдумывая, с чего начать.

— Здесь никого не держат. Ни цепей, ни замков, ни стражи. Уйти отсюда может каждый. Только никто не уходит. Людей держат их собственные желания. Плохие — и хорошие тоже. По крайней мере, те, что кажутся тебе хорошими.

Я удивлённо посмотрел на него.

— Погоди. Ты хочешь сказать, что людей здесь держат не только плохие желания, но и хорошие? Почему? Разве хорошее не должно вести человека к Богу? Разве не за это он должен вознестись к Нему?

Самуэль повернул голову и внимательно посмотрел на меня. Улыбка медленно исчезла с его лица.

— А что ты подразумеваешь под Богом?

— Я подразумеваю вечное блаженство, спокойствие. Ощущение, что моя душа вознеслась, что всё наконец хорошо и больше ничего плохого со мной не случится.

Самуэль расхохотался.

— Вечное блаженство и спокойствие? Ты берёшь разные чувства и смешиваешь их в одну кучу. Как же вы испортили религию! Хотя откуда вам знать? Никто из вас не возвращался после смерти, чтобы рассказать, как всё устроено на самом деле. Никто не возвращался ни от Бога, ни от меня.

Я немного удивился.

А ведь действительно. Я говорил о вещах, в которых совершенно не разбирался. Я просто повторял то, что привык считать правдой. Мне хотелось вечного блаженства, но при этом я хотел спокойствия. Я представлял себе нечто прекрасное, где мне больше никогда не придётся переживать, сомневаться, чего-то бояться или добиваться.

И только сейчас задумался: разве это одно и то же?

Самуэль тем временем продолжал:

— Посмотри вон туда. Видишь женщину?

Я посмотрел вниз.

Молодая. Красивая — той красотой, на которую оборачиваются на улице. Тонкая, с прямой спиной, с аккуратно уложенными волосами. Такие обычно выглядят спокойными и уверенными в себе.

Только эта не была спокойной.

Она металась между коридорами. Бросалась вперёд, замирала, оглядывалась, срывалась в другую сторону. Платье сбилось, волосы выбились из причёски, губы что-то шептали. На лице — жадность и усталость одновременно. Так выглядит человек, который очень давно бежит и очень боится опоздать.

Самуэль улыбнулся. Широко, почти весело. Так улыбаются, глядя на чужую беду. Мне стало противно.

— А давай посмотрим, что видит она.

В тот же миг картина передо мной изменилась. Я оказался у неё в голове и увидел мир её глазами.

Впереди лежали деньги.

Много денег. Пачки, перетянутые резинками. Ключи от машины. Дорогие платья. Дом с большими окнами. Всё это сияло и звало её. Я чувствовал, что она чувствует: вот оно. Ещё немного — и больше никто никогда не скажет ей «нет». Никто не посмотрит свысока. Она будет свободна.

И она бросилась туда. Бежала, не разбирая дороги, задыхаясь, расталкивая всех на своём пути. Только бы успеть. Только бы никто не забрал раньше.

Она была уже совсем близко.

И вдруг остановилась.

Деньги потускнели. Будто кто-то выкрутил свет. Ещё секунду назад они были всем — а теперь просто бумага.

Потому что сбоку появились они.

Мужчины. Красивые, сильные, уверенные. Они смотрели на неё так, как ей всегда хотелось, чтобы на неё смотрели. С восхищением. С желанием. Она чувствовала эти взгляды кожей. Её выбирали. Ради неё старались. Она была единственной, самой нужной, самой желанной.

Она развернулась и побежала к ним, забыв о деньгах.

Но и это длилось недолго.

Взгляды начали гаснуть. Восхищение стало привычным, а привычное — скучным. И внутри у неё проснулось что-то другое. Горячее. Нетерпеливое.

Страсть. Похоть. Чужие руки, чужое дыхание, одна ночь — неважно с кем, лишь бы снова почувствовать, что живёшь.

Она снова развернулась. И снова побежала.

Деньги. Мужчины. Страсть. Снова деньги.

Круг за кругом.

Каждое желание обещало счастье. И каждое обманывало, стоило к нему подойти. Она хотела всего сразу — и поэтому не получала ничего.

Картина исчезла так же внезапно, как появилась.

Я снова сидел за столом рядом с Самуэлем и смотрел на неё сверху. Маленькая фигурка металась по коридорам. Красивая. Уставшая. Пустая.

Теперь я понимал, почему она всё время меняла направление. Она не искала выход. Она даже не знала, что он есть.

— А вон тот мужчина? — спросил я, заметив неподалёку ещё одну фигуру.

Он выглядел вполне обычно. Здоровый, ничем особенно не примечательный. Богатым он тоже не казался. В отличие от остальных, он будто бы ни за чем конкретным не гнался. По крайней мере, я не мог понять, что именно заставляло его продолжать этот бессмысленный бег.

— Он тоже что-то ищет, — ответил Самуэль.

— Но за чем? По нему не скажешь, что он чего-то хочет.

— Это тебе только кажется. Он бегает за своим цинизмом.

Я напрягся.

Цинизм.

Почему именно он?

Я всю жизнь считал себя циником. И гордился этим. Я привык думать, что цинизм помогает мне видеть людей такими, какие они есть. Не обманываться, не питать лишних иллюзий, не ждать от мира того, чего он никогда не обещал.

Мне казалось, что я просто стал умнее. Опытнее. Что научился смотреть на вещи без розовых очков.

Но впервые за долгое время я задумался: а что, если всё это время я просто бежал за собственным цинизмом?

— И что же? — спросил я. — Меня ждёт такая же участь?

Самуэль посмотрел на меня.

— Это твой выбор.

— Погоди. А что мне суждено?

— Ты помнишь, что я сказал тебе, когда мы только пришли сюда?

Я на секунду задумался, пытаясь вспомнить наш разговор. И вдруг меня осенило.

— Постой. Ты ведь говорил, что отсюда можно уйти? Я правильно понимаю, что у меня есть такая возможность?

Самуэль снова рассмеялся.

— Конечно. Каждый вправе уйти. Если сам этого захочет.

Я посмотрел на лабиринт. Люди по-прежнему метались между его коридорами, не находя себе места.

— И что, ты тоже будешь гонять меня по этому лабиринту?

— Я никого не гоняю, — ответил он. — Я лишь наблюдаю за ними. Знаешь, я смотрю на них уже очень давно, но ещё никто отсюда не вышел.

Я задумался.

Если выход действительно существует, почему же никто им не воспользовался? Или воспользовался, но Самуэль об этом не знает? Хотя последнее казалось маловероятным.

— А как выйти? — спросил я.

Самуэль посмотрел на меня с заметным интересом.

— О, это хороший вопрос. Но ответ ты должен найти сам.

Ещё мгновение он не сводил с меня глаз. Спокойное выражение лица. Никакой угрозы, никакой попытки остановить меня или дать последний совет.

Затем Самуэль отвернулся.

И в ту же секунду всё исчезло. Стол, стулья, сам Самуэль.

Я стоял в одном из коридоров лабиринта. Стены поднимались выше головы. Я остался один.

Передо мной был лабиринт, полный людей, которые искали что-то своё. Где-то среди этих коридоров должен был находиться выход.

По крайней мере, так сказал дьявол. И теперь мне предстояло выяснить, говорил ли он правду.

Перед глазами начали возникать картины.

Деньги.

Головой я знал им цену. Я зарабатывал их, терял, снова зарабатывал. Знал, что они могут дать и чего не дадут никогда. И всё равно хотел. До дрожи.

И вдруг я почувствовал то, чего не чувствовал уже много лет. Азарт. Радость. Внутри снова что-то загорелось, как в двадцать, когда вся жизнь была впереди и каждая цель казалась самой главной.

Я сделал шаг. Потом ещё один. Внутри нарастала спешка: быстрее, пока не исчезли, пока никто не забрал.

Но стоило подойти — и картина сменилась.

Женщины.

Я шёл к ним, и желание росло с каждым шагом. А у самой цели гасло. И тут же вспыхивало новое.

Знания. Деньги. Женщины. Еда. Похоть.

Я бежал. Бежал и не мог остановиться. Каждое новое желание казалось единственно важным, а то, чего я хотел секунду назад, уже ничего не значило.

Хуже всего было то, что я всё понимал. Сердце радовалось, а тот самый холодный ум, которым я так гордился, видел ловушку насквозь. Видел — и ничего не мог сделать. Я был заперт. Не в лабиринте. В себе.

Я пытался остановиться — и желания только сильнее рвали меня в разные стороны. Я хотел так сильно, что само это хотение казалось доказательством: значит, нужно. Значит, без этого никак.

Но где-то в глубине упрямо звучала одна мысль.

Хватит.

Остановись.

Я закрыл глаза.

Стоять оказалось тяжелее, чем бежать.

С закрытыми глазами желания стали только громче. Они звали, тянули, толкали в спину. Деньги уходят. Женщины ждут. Ещё шаг — и успеешь. Ноги сами рвались с места. Всё во мне кричало: беги.

Я стоял.

Сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Считал вдохи. Один. Второй. Третий. Не знаю, сколько это длилось. Минуту? Час? В аду не бывает часов.

Желания не уходили. Но постепенно я понял: они громкие — и только. Кричат, но не держат. Держу себя я сам.

И я продолжал стоять. Впервые за всё это время не мои желания, а я решал, что будет дальше.

Нужно было подумать. Не бежать, не выбирать очередную цель, не пытаться немедленно получить то, чего хотелось. Просто остановиться и разобраться.

Мы привыкли думать, что ад внизу, а рай наверху. Я вспомнил, как Самуэль смеялся над тем, во что люди превратили религию. А что, если и это мы придумали сами?

Что, если ад и рай — не верх и низ? Что, если это стена? С одной стороны одно, с другой — другое. А между ними — земля.

Все здесь искали выход вокруг себя. Бежали вдоль стен, сворачивали, возвращались, снова бежали. И никто ни разу не посмотрел себе под ноги.

Стены лабиринта бесконечны. Но они стоят на земле.

А значит, под ними можно пройти.

Я открыл глаза и посмотрел вниз. Опустился на колени и начал копать руками.

Под пальцами была грязь, влажная земля и глина. Сначала копать было тяжело. Я разгребал почву, отбрасывал её в стороны, снова вонзал пальцы в землю. Но постепенно работа пошла легче.

Мне казалось, что я копаю уже не землю, а что-то внутри себя.

С каждым движением становилось проще. Я углублялся всё дальше, продолжая копать, и чувствовал, что приближаюсь к чему-то важному. Я ещё не понимал, к чему именно, но впервые с момента появления в лабиринте у меня было ощущение, что я не просто бегу за очередным желанием.

Я искал.

И в этот момент появился надсмотрщик.

Я узнал его. Это был один из тех, кого я видел над лабиринтом, когда мы с Самуэлем только сюда пришли.

Он заметил, что я делаю, и вдруг издал оглушительный крик.

Такой громкий, что я невольно отшатнулся.

Другие надсмотрщики тут же начали слетаться ко мне. Один за другим они приближались, и вскоре над моей головой уже собиралось несколько фигур.

Я не понимал, что происходит. Что именно я сделал не так? Почему моя попытка выбраться вызвала такую реакцию?

Прошло всего несколько мгновений, когда передо мной снова появился Самуэль.

Он оглядел происходящее, а затем вмешался. Надсмотрщики отступили, один за другим разлетаясь в стороны. Ещё недавно они стремительно приближались ко мне, а теперь больше никто не пытался остановить меня.

Самуэль протянул мне руку. Ладонью вверх, как тогда, на лавочке. Так подают руку упавшему.

Но лицо у него было другим.

Усмешка исчезла. Брови чуть сошлись к переносице, губы приоткрылись, будто он собирался что-то сказать и передумал. Золотые глаза смотрели не сквозь меня, как раньше, а на меня. Пристально. Изучающе. Он скользнул взглядом по яме, по моим рукам в глине, снова посмотрел мне в лицо — и, кажется, не нашёл там того, что ожидал.

Так смотрят на задачу, которая вдруг перестала сходиться.

Я посмотрел на его ладонь.

И поднялся сам.

Самуэль ещё мгновение держал руку в воздухе. Потом медленно опустил её.

— Ну что ж, пойдём.

— Куда? — спросил я. — Я нашёл выход?

— Можно и так сказать. — Он помедлил. — Но сначала я хочу с тобой поговорить.

Мир качнулся, и лабиринт ушёл вниз. Мы снова сидели за тем самым столом, над краем бесконечных коридоров. Два стула. Бутылка. Два стакана. Будто никто ничего не убирал.

Я посмотрел на свои руки. Под ногтями — глина. Ладони в царапинах. Единственное доказательство, что всё это было на самом деле.

Самуэль откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу и долго смотрел на меня. Не насмешливо. Не свысока. Так разглядывают странную вещь, найденную на чердаке: что это такое и откуда оно взялось?

— Знаешь, сколько я здесь? — произнёс он наконец. — Миллионы лет. Это моё царство. Я вижу каждого, кто бежит там, внизу. Вижу то, что видят они: их деньги, их женщин, их мечты. Миллионы лет — одно и то же.

Он помолчал.

— И за все эти миллионы лет ты первый, кто смог остановиться.

Первый. Из миллиардов.

Я не знал, что на это ответить. Поэтому спросил о другом:

— Сколько я там пробыл?

— Семнадцать лет.

— Сколько?! — Я чуть не вскочил. — Какие семнадцать лет? Я думал, прошло пару часов. Максимум! Я даже не устал. Не запыхался. Просто остановился, подумал и начал копать.

— Для тебя — пару часов, — ответил Самуэль. — Здесь — семнадцать лет. — Он чуть помедлил. — На земле — намного больше.

Последних его слов я тогда не расслышал. Вернее, не придал им значения. А зря.

Семнадцать лет. Целая жизнь. За семнадцать лет ребёнок становится взрослым. Можно вырастить сына. Можно потерять всё и начать заново.

Но, судя по лицу Самуэля, удивляло его совсем другое. Не мои семнадцать лет. Его миллионы. И я — первый.

И всё-таки мой ум меня не подвёл, — подумал я.

Уголок его рта дрогнул. Конечно, решил я. Он опять услышал мои мысли.

— Ну и чего же ты хочешь? — спросил он. — Ты заслужил право выбирать. Вознестись? Уйти к Богу?

Вот оно. То, о чём, наверное, мечтал бы любой. Выход. Свет. Покой.

Я посмотрел вниз.

Люди всё так же метались по коридорам. Гнались за деньгами, любовью, властью, признанием — за всем, что казалось им необходимым для счастья. Где-то среди них бежала та красивая женщина. Где-то — тот неприметный мужчина со своим цинизмом. Ещё недавно — я сам.

Уйти к Богу. Просто взять и уйти. Так и не поняв, почему всё это. Почему они бегут. Почему бежал я.

Тридцать пять лет я разбирал людей по винтикам. А главного так и не разобрал.

И тут в голове привычно щёлкнуло.

Так всегда бывало перед хорошей сделкой. Ещё не видишь всей схемы, но уже чувствуешь: вот она, возможность. Надо только правильно зайти.

Передо мной сидел тот, кто миллионы лет смотрит на одно и то же. И впервые за миллионы лет ему стало интересно. Мной.

А любопытство — тоже валюта. Я всю жизнь знал, сколько оно стоит.

Я повернулся к Самуэлю.

— А давай заключим пари?

Он даже отшатнулся на стуле. И посмотрел на меня так, будто увидел впервые.

Странно. Обычно он знал, что я скажу, раньше, чем я открывал рот. На лавочке, над лабиринтом, за этим самым столом он отвечал на мои мысли, не дожидаясь слов. А сейчас — не знал.

И та усмешка минуту назад, когда я похвалил свой ум… Мне только показалось. Он просто усмехнулся.

Самуэль больше не мог читать мои мысли.

Будто там, в лабиринте, вместе с землёй я выкопал что-то ещё. И закрыл за собой дверь.

— Пари? — переспросил он. — С дьяволом? И на что же? А главное — зачем тебе это?

— Я хочу показать тебе одну вещь.

— Какую?

— Что человек способен измениться. Даже тот, кто ни во что не верил.

Самуэль прищурился.

— «Ни во что не верил» — это ты о себе?

— Помнишь того мужчину внизу? Ты сказал, что он бегает за своим цинизмом. Так вот: цинизм — великолепная штука. Он помогает видеть людей насквозь. Не верить красивым словам. Считать риски. Смотреть на вещи такими, какие они есть, а не такими, какими хочется.

Самуэль откинулся на спинку стула и посмотрел на меня с ленивым интересом.

— Значит, ты снова хочешь разбирать людей?

— Именно.

— И что поставишь на кон?

— Ничего. Это пари на интерес. Я просто покажу тебе людей по-другому.

— Покажешь? — Он слегка наклонил голову. — Каким образом?

Я выдержал паузу и посмотрел ему прямо в глаза.

— Верни меня на землю.

Самуэль покачал головой. Медленно, почти с сожалением.

— Ты почему-то решил, что выход из ада — это дорога домой. Это не одно и то же. Есть рай и ад. Есть забвение. Есть многое, о чём ты даже не догадываешься. Выбраться из ада можно. А вот вернуться на землю — совсем другая история.

— Даже тебе это не под силу?

Он нахмурился. Вопрос ему не понравился. Я это запомнил.

— Под силу. Вопрос не в этом. Вопрос — зачем мне это. Ты же циник. Тебе ничего не интересно. Во всём ты видишь механику, расчёт, закономерности.

— Мне интересно всё.

— Всё? И что же?

— Как это работает.

Его губы растянулись в тонкую, неприятную улыбку.

— Как это работает? Ты же сам всё прекрасно понимаешь.

— Понимаю, — согласился я. — Механику. Мы умеем наблюдать, анализировать, находить закономерности. Объяснять, почему всё происходит так, а не иначе.

Я помолчал.

— Но что, если разобрать всё на атомы?

В его глазах впервые мелькнуло что-то похожее на любопытство. Настоящее.

— Что значит — «на атомы»?

— Вот та женщина внизу. Ты видишь, за чем она бежит: деньги, мужчины, страсть. Это механика. А под ней — причина. Почему именно деньги? Кто однажды сказал ей «нет» так, что она до сих пор бежит, лишь бы больше никогда этого не услышать? Вот это — атом.

Самуэль пожал плечами.

— Причины есть всегда.

— Вот именно. И тебе всё равно, какие они. А ведь из-за них и строится вся эта погоня. Не из-за денег. Не из-за мужчин. Из-за того, что лежит под ними.

Я помолчал.

— Всё, что происходило со мной. С другими людьми. Почему мы поступаем именно так. Почему одни чувства сменяются другими. Почему мы совершаем одни и те же ошибки и, даже понимая их, повторяем снова. Всё — до атомов.

Самуэль поморщился.

— Ты собираешься читать мне лекцию о причинно-следственных связях? Скучно.

— Нет. Это не причинно-следственные связи. Это разбор на атомы.

Самуэль замолчал.

Впервые за весь разговор он не нашёлся с ответом сразу. Взгляд задержался на мне дольше обычного. Он пытался понять, что я задумал. Но мои мысли были для него закрыты.

Он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Мне не нравится спор, в котором я ничего не имею. На интерес я не играю. Мой ответ — нет.

Я ничего не ответил.

Вместо этого медленно опустил взгляд на лабиринт.

Внизу всё продолжалось по-прежнему. Люди метались между коридорами, меняли направления, бросались к своим призрачным целям и снова теряли их. Кто-то бежал быстрее остальных, кто-то останавливался лишь на мгновение, кто-то разворачивался и начинал всё сначала.

Семнадцать лет.

Семнадцать лет я бегал по этим коридорам. А они бегут здесь веками. Миллионы лет Самуэль смотрел на них сверху. И за всё это время ничего не изменилось.

Я повернул голову и посмотрел на него.

Он тоже смотрел вниз. Его лицо было спокойным, но теперь я заметил кое-что, чего раньше не замечал: в его взгляде не было ни удивления, ни интереса, ни даже раздражения. Только усталое безразличие того, кто видел одну и ту же картину столько раз, что она давно перестала для него что-либо значить.

И тогда я понял, что, возможно, дело вовсе не в моём предложении.

Возможно, ему действительно нечем заняться.

— Тебе же скучно.

Самуэль медленно поднял голову.

— Что ты имеешь в виду?

Я не стал отвечать сразу. Мне хотелось посмотреть, как он отреагирует на мои следующие слова. Впервые за всё время нашего знакомства я не просто отвечал ему. Я проверял его.

— Хорошо. Тогда я поставлю на кон кое-что настоящее.

Его лицо почти не изменилось, но я заметил, как он чуть выпрямил спину.

— Продолжай.

— Свою вечность.

На этот раз Самуэль не усмехнулся.

Я дал ему несколько секунд, чтобы осмыслить сказанное, и продолжил:

— Ты вернёшь меня на землю. Я заново проживу первые семнадцать лет своей жизни. Столько же, сколько отдал твоему лабиринту. И проживу их счастливо. По-настоящему счастливо. До семнадцати я не буду помнить ни ада, ни прошлой жизни, ни тебя. Буду обычным человеком.

Я помолчал.

— А в семнадцать я вспомню всё. И ты появишься рядом со мной. А когда моя земная жизнь закончится, я вернусь сюда. Навсегда. И больше никогда не попытаюсь уйти. Буду рядом с тобой. Человеком, с которым можно разговаривать, спорить и разбирать всё, что происходит с людьми.

Самуэль медленно положил руки на стол.

— Ты предлагаешь мне провести вечность в компании человека?

— Не совсем. Я предлагаю тебе провести её в компании человека, который собирается доказать тебе кое-что.

— И что же именно?

— Что ты не всё знаешь о людях.

Наступила тишина.

Я смотрел на него, а он — на меня.

Впервые мне показалось, что между нами происходит нечто большее, чем обычный разговор. До этого момента Самуэль задавал вопросы, наблюдал за моей реакцией, объяснял устройство своего мира. Он знал больше меня и прекрасно это понимал.

Но теперь я предложил ему нечто, на что он не мог ответить привычной усмешкой.

Он долго молчал. Затем слегка наклонил голову, словно пытался разглядеть во мне что-то скрытое.

— И чего ты этим добиваешься?

Я не спешил отвечать.

Намеренно выдержал паузу. Мне хотелось, чтобы он ждал, чтобы с каждой секундой его любопытство росло, а терпение заканчивалось.

Я видел, что он привык к другому. Люди перед ним оправдывались, просили, торговались, обещали всё что угодно, лишь бы получить желаемое. Но я собирался сказать ему то, чего он явно не ожидал.

— Я изменю тебя.

На мгновение он словно перестал понимать, что происходит.

Затем его лицо исказилось от удивления, которое почти мгновенно сменилось яростью. Он резко поднялся со стула и с такой силой ударил ладонью по столу, что тот содрогнулся.

— Ты?! Меня?!

Его голос прозвучал так громко, что я невольно напрягся.

— Ты, ничтожество, собираешься изменить меня? Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь? Я прожил миллионы лет! Миллионы! Я видел, как рождались и умирали цивилизации. Я видел королей, нищих, святых, убийц, философов и безумцев. Я видел людей, которые были уверены, что способны изменить мир!

Он обошёл стол и остановился напротив меня.

— И таких нахалов, как ты, я встречал на земле сотни, тысячи! Каждый считал себя особенным. Каждый думал, что именно ему известно то, чего не знают остальные. Каждый был уверен, что нашёл ответ!

Он наклонился ко мне, опираясь ладонями о стол.

— И знаешь, чем всё заканчивалось? Они попадали сюда. В мой мир. И все их великие идеи, вся их уверенность, все обещания что-то изменить рассыпались в прах. Они оставались здесь и блуждали по своим лабиринтам. День за днём. Год за годом. Пока не становились такими же, как все остальные.

Он замолчал, но продолжал смотреть мне в глаза.

— Ничего не изменится. И ты ничего не изменишь.

Я молчал.

Внутри всё сжалось. Я зашёл слишком далеко. Передо мной было существо, которое могло сделать со мной что угодно. И сейчас оно было в ярости.

Но отступать было поздно.

Я медленно поставил локти на стол, переплёл пальцы и опустил на них подбородок. Затем слегка улыбнулся.

Теперь улыбался уже я.

— Но ведь ни один из них так и не выбрался из своего лабиринта, — произнёс я.

Самуэль не ответил.

— А я сижу здесь и разговариваю с тобой.

Я сделал паузу.

Хотелось надавить ещё — туда, куда я, кажется, уже попал. Но каждое следующее слово могло стоить мне слишком дорого.

И всё же я посмотрел ему прямо в глаза.

— И что же? Неужели ты испугался?

Всё изменилось мгновенно.

Первое, что я увидел, — его глаза.

Они больше не были просто золотыми. Они горели. Будто за ними вспыхнуло бушующее пламя — живое, яростное. То самое адское пламя, которого я так и не нашёл в его аде.

Самуэль выпрямился. Его пальцы медленно сжались в кулаки. Он смотрел на меня так, словно перед ним больше не было человека — лишь нечто, что следовало немедленно уничтожить.

Воздух вокруг будто стал тяжелее. Не знаю, действительно ли изменилось пространство или это страх так играл со мной. Но на мгновение мне показалось, что даже лабиринт под нами замер.

Никто не кричал. Никто не бежал. Всё внимание словно сосредоточилось на нас двоих.

И тут до меня дошло, что я сделал.

Я задел самого дьявола за его эго. За самое живое.

Он привык быть тем, кто задаёт вопросы, знает ответы и наблюдает за чужими слабостями. Привык, что последнее слово остаётся за ним. А теперь перед ним сидел человек, который утверждал, что способен его изменить.

Не победить. Не обмануть. Не сбежать.

Изменить.

И, кажется, именно это разозлило его сильнее всего.

Он напрягся всем телом. Его взгляд на секунду опустился к моим рукам, затем снова поднялся к лицу.

Он хотел ударить меня. Схватить, сбросить со стула, раздавить. И он мог. В этом я не сомневался ни секунды.

Внутри поднималась паника.

Что я делаю?

Зачем я его провоцирую?

А если он и правда начнёт варить меня в котле или придумает что-нибудь похуже?

Я боялся пошевелиться. Боялся, что любое движение станет последней каплей.

Я мог отступить. Мог извиниться. Мог сказать, что всё это была глупая шутка.

Но тогда всё, ради чего я затеял этот разговор, закончилось бы, даже не начавшись.

Поэтому я остался сидеть.

Локти на столе. Пальцы переплетены. На лице — лёгкая улыбка. А внутри всё кричало.

Самуэль не двигался.

Я тоже.

Секунда.

Другая.

Третья.

Его молчание становилось невыносимым. Я уже не мог понять, что страшнее: если он сейчас взорвётся от ярости или если продолжит смотреть на меня с этой ледяной ненавистью.

Наконец он медленно наклонился вперёд.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? — тихо спросил он.

Теперь он говорил почти шёпотом. И почему-то от этого мне стало ещё страшнее.

Я сглотнул, стараясь, чтобы он не заметил моего волнения.

— Прекрасно понимаю.

Это была ложь. Я понятия не имел, чем всё закончится.

Но отступать уже не собирался.

Я поставил под сомнение то, в чём он был уверен миллионы лет: что люди не меняются. Что каждый навсегда остаётся пленником своих желаний. Для него согласиться значило допустить, что он может ошибаться.

А я ставил на кон всё. Не деньги. Не жизнь — жизнь у меня уже забрали. Вечность. Всю, до последней секунды.

Вечность за семнадцать лет. Безумный обмен. Любой расчётливый человек покрутил бы пальцем у виска. А я, тот, кто всю жизнь всё просчитывал наперёд, впервые шёл ва-банк.

Внутри всё дрожало. Страх и азарт смешались так, что я уже не мог отличить одно от другого. Так, наверное, чувствует себя игрок, который двигает на середину стола всё, что у него есть, зная, что второго шанса не будет. Если бы у меня ещё было сердце, оно бы выпрыгнуло из груди.

Доказать свою правоту я мог только одним — собственной жизнью. Обратного пути уже не было.

Я посмотрел ему прямо в глаза и протянул руку.

— Ну так что? По рукам?

Самуэль долго смотрел мне в глаза. Затем перевёл взгляд на мою протянутую руку.

Несколько секунд он молчал.

Потом на его лице появилась улыбка.

Не та лёгкая усмешка, к которой я уже привык. Другая. Медленная, довольная. Уголки губ поползли вверх, а глаза остались холодными. Так улыбается тот, кто только что получил ровно то, чего хотел. А ты ещё даже не понял, что отдал.

Я это видел. Но не придал значения. Я был слишком занят своей победой.

— Что ж, Джерар, — произнёс он. — Посмотрим, на что ты способен.

Он протянул руку и пожал мою.

— По рукам.

Его ладонь оказалась тёплой. Такой же, как в нашу первую встречу. Я почувствовал, как его пальцы сжали мою руку, и вдруг понял, что больше не слышу ничего вокруг.

Ни голосов. Ни шума. Ни даже собственного дыхания.

Я хотел что-то сказать, но не успел.

Стол исчез первым. Затем растворилось пространство вокруг нас. Лабиринт под ногами, бесконечные коридоры, люди, которые всё ещё за чем-то бежали, — всё это начало стремительно удаляться, словно кто-то выключал свет в огромном помещении.

Я попытался удержать взгляд на Самуэле.

Он продолжал улыбаться. Той самой улыбкой.

И почему-то именно она стала последним, что я увидел.

Затем наступила темнота.

Глава вторая.

Новая жизнь

Я не понимал, сколько времени прошло. Не мог пошевелиться, не мог открыть глаза. Моё тело словно перестало мне принадлежать. Я чувствовал давление со всех сторон, слышал приглушённые звуки, которые доносились откуда-то издалека, и пытался понять, что со мной происходит.

Всё было чужим.

Непонятным.

Я хотел вдохнуть, но не мог. Хотел закричать, но не знал, как. Я словно оказался в мире, который существовал задолго до меня и которому не было никакого дела до того, кто я такой.

А потом меня пронзило ощущение холода. Резкого, незнакомого.

Я сделал первый вдох.

Воздух обжёг лёгкие. Тело дёрнулось, и из моего горла вырвался громкий, отчаянный крик.

Я открыл глаза. Ни стола, ни лабиринта, ни Самуэля.

Надо мной склонялись какие-то незнакомые лица. Я чувствовал прикосновения, слышал голоса, но не понимал ни одного слова. Моё тело было маленьким, беспомощным и совершенно не слушалось меня.

Я больше не был взрослым мужчиной, который сидел напротив дьявола и предлагал ему пари.

Я был младенцем.

И первое, что я хотел сказать: «Я всё помню».

Я помнил лабиринт. Помнил стол над ним. Помнил тёплую ладонь и эту проклятую улыбку.

Но врач и мать услышали только крик.

Я ничего не мог им объяснить. Меня снова бросили в незнакомый мир, и на этот раз у меня не было даже слов, чтобы задать вопрос.

Несколько дней воспоминания ещё держались. Потом начали таять. Коридоры, голос, пари — всё расплывалось, как сон после пробуждения. Чем отчаяннее пытаешься его удержать, тем быстрее он уходит.

Через неделю я уже ничего не помнил. Ни ада. Ни того, что когда-то был другим человеком. Ни того, что всё могло сложиться иначе.

Я был просто младенцем. Как все.

Меня назвали Ноа. С древнееврейского это значит «покой». Ирония, которую тогда никто не мог оценить.

А дальше всё было прекрасно.

У меня были замечательные родители. Они любили меня, кормили, воспитывали. Сейчас, оглядываясь назад, могу сказать честно: лучших я бы и не пожелал.

Маму звали Клэр. Папу — Андре.

Но когда мне было тринадцать, отец ушёл из семьи.

Перед этим они с мамой долго ругались. Я не понимал из-за чего. Поводы казались мне мелкими, почти смешными. Взрослые люди кричали друг на друга из-за ерунды.

Впрочем, не будем об этом.

Я остался с мамой. У нас была квартира, была машина, было всё, что нужно для нормальной жизни. Мама у меня прекрасная, и в её решении я никогда не сомневался.

Но после ухода отца она взяла меня в кулак. Контроль. Запреты. Отчёты: где был, с кем, почему так поздно.

Родители редко это понимают, но закон тут простой: чем крепче держишь, тем сильнее рвутся. Чем больше контроля, тем дальше ребёнок отходит и тем сильнее хочет свободы. А ради свободы он начинает делать вещи, о которых родителям лучше бы не знать.

С отцом мы прожили под одной крышей не так долго, как хотелось бы. Но он успел многому меня научить. Великолепный человек. Развод между нами ничего не сломал: он приезжал, когда мог, я звонил ему, когда хотел, в любое время, и он всегда находил, что подсказать.

Он не читал мне нотаций. Он делал вместе со мной. Сидел рядом над уроками, пока задача не сдавалась. Если что-то ломалось, не чинил сам, а звал меня: «Иди сюда, смотри». Мы меняли розетки, разбирали старый магнитофон, паяли. Он показывал, как устроена плата, куда бежит ток, почему старый приёмник молчит и как заставить его заговорить снова. Руки у меня были в канифоли, а в голове — сотня вопросов. И на каждый он отвечал.

Он никогда не говорил «сделай». Он говорил «давай сделаем».

Наверное, именно от него во мне это желание — понять, как всё устроено внутри.

Папа остаётся папой. Это не обсуждается.

Иногда мама приводила домой мужчин. Мне казалось, что она ищет не новую любовь, а замену отца для меня. Они были хорошие. Добрые. Старались со мной подружиться.

Но ни один из них не подходил на роль моего отца. Я знал, кто мой отец. И всегда его любил.

А ещё был дедушка. Бенджамин, папин отец. Папа звал его Беном, а для меня он всегда был просто дедушкой.

До тринадцати лет он сидел со мной чаще всех. Умный, терпеливый, добрый. Я капризничал, устраивал истерики, однажды разрисовал маркером стены. Он не кричал. Ни разу.

Он смотрел на меня с улыбкой, обнимал, целовал в макушку и говорил:

— Это нормально.

Будто знал, что творится у меня внутри, раньше, чем я сам.

Конечно, ему всё это не нравилось. Конечно, иногда он злился. Сейчас я это понимаю. Но голос он не повышал никогда. Если нужно было объяснить что-то два раза, объяснял два. Четыре — объяснял четыре. Десять — значит, десять. И каждый раз спокойно, будто впервые.

И всегда добавлял:

— Это всё мелочи. Это всё пройдёт.

Дедушка был со стороны отца, так что после развода мы стали видеться реже. Но иногда мама сама отправляла меня к нему, когда была занята: то работой, то своими делами. Так я и жил: то у отца, то у дедушки, то дома.

Многие дети разведённых родителей ненавидят эти переезды. А я их ждал.

Дома всегда что-то было не так: то запрет, то проверка, то молчаливый упрёк. А у дедушки или у отца я выдыхал. Плечи опускались сами собой. Можно было никому ничего

не доказывать, ни от кого не прятаться и ни за что не отчитываться. Просто быть. Как будто снимаешь тесные ботинки после долгого дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.